

Бай Яньнань лишь рассмеялся:

— Всё просто, потому что я с самого начала хотел сделать тебя звездой. А теперь ты поворачиваешься ко мне спиной и говоришь, что подписываешь контракт с другой компанией? У тебя вообще есть совесть?

Гу Чуньлай вдруг понял, почему Бай Яньнань настаивал на том, чтобы он сам занимался промо, и почему он так активно продвигал его. Близость к огромному потоку и интенсивному освещению Бай Яньнана, при условии, что уровень мастерства не падает, делала резкий рост данных в короткие сроки вполне достижимым.

Но Гу Чуньлай не понимал, почему среди тысяч актёров Бай Яньнань выбрал именно его.

— Не думай об этом, Чуньлай, возвращайся, ты всё равно не поймёшь. Завтра хорошо сыграй.
— Бай Яньнань указал на свои глаза, а затем на Гу Чуньлая. — Я слежу за тобой, держись.

Гу Чуньлай стоял у двери комнаты Сяо Жофэя, провожая взглядом удаляющуюся фигуру. Некоторое время он колебался, стоя между своей комнатой и комнатой Сяо Жофэя, не зная, в какую войти.

Как будто пережив битву, Гу Чуньлай наконец сделал шаг влево и открыл дверь Сяо Жофэя.

Сяо Жофэй всё ещё болел, ему нужен был уход, и он не мог уйти.

Он убрал контейнеры с едой, выбросил мусор, заменил охлаждающий компресс на лбу Сяо Жофэя, накрыл его новым прохладным полотенцем, и, сделав несколько кругов по комнате, не найдя, чем ещё заняться, свернулся калачиком у кровати, наблюдая за Сяо Жофэем. Как будто так он мог найти ответ.

Примерно в четыре часа утра Сяо Жофэй проснулся от жары.

Лекарство подействовало, охлаждающий компресс тоже, он почувствовал себя гораздо легче, измерив температуру, она стабильно упала ниже 38 градусов.

Сяо Жофэй хотел немного проветриться, но угол одеяла был плотно прижат, и он не мог пошевелиться. Присмотревшись, он увидел, что Гу Чуньлай свернулся в клубок в углу кровати, крепко спит, и любое движение могло сбросить его на пол. Но Гу Чуньлай не двигался, не падал, его руки обхватывали колени, а носки ног устойчиво лежали на краю кровати, точно так же, как в тот день, когда они закончили писать сценарий.

Сяо Жофэй вспомнил, что в тот день, когда они поцеловались 99 раз, Гу Чуньлай тоже так спал в углу его кровати, и он несколько раз пытался сдвинуть его, но безуспешно. В конце концов, он сдался и продолжил писать, лёжа рядом.

Самую сложную сцену с поцелуем он придумал, но ещё много деталей оставалось недоделанными. Например, каждый день героиня передавала герою письмо, в котором рассказывала о погоде, о кошке в ящике, об одуванчиках у реки и о математической задаче, которую никак не могла решить. Как подписать каждое письмо в конце, Сяо Жофэй всё ещё не решил.

Написать настоящее имя? Слишком прямо.

Придумать псевдоним? Слишком легкомысленно.

Размышляя, он машинально написал строку букв —

dgvlyt.

Написав это, Сяо Жофэй внезапно почувствовал сильное раздражение, бросил ручку и подошёл к спящему Гу Чуньлаю, но тот вдруг поднял руку и крепко обнял его. Он замер, Гу Чуньлай тоже не двигался, и они оставались в этом положении долгое время, пока в момент, когда казалось, что нить вот-вот порвётся, из носа Гу Чуньлая раздалось ровное дыхание.

Сяо Жофэй понял, что Гу Чуньлай крепко спит, и стал смелее, подойдя ещё ближе, внимательно разглядывая его, как он хотел сделать раньше, но не мог. Он смотрел на каждую черту его лица, на слегка дрожащие ресницы, на сжатые в линию губы...

Когда он очнулся, его губы уже касались губ Гу Чуньлая, его ресницы коснулись слезинки под глазом Гу Чуньлая, и он вдруг осознал, что, потеряв голову, поцеловал его.

Этот поцелуй был не похож на предыдущие 99. Он был растерян, но знал, что, если пошевелится, Гу Чуньлай может упасть с кровати. Он закрыл глаза, отдался Гипносу, притворившись, что ничего не произошло.

Только одна нить в его голове тихо порвалась.

dgvlyt.

Это был простой шифр с заменой букв, но Сяо Жофэй прочитал его столько раз, что запомнил наизусть.

Его ключ был chuni.

А расшифрованный текст гласил —

i love you.

На следующий день Сяо Жофэй и Гу Чуньлай вернулись на съёмочную площадку. Большой восстановил силы, путешественник вернулся, и съёмочная группа снова стала цельной, как в начале съёмки.

Однако сегодня у них был гость.

Бай Яньнань, который вчера отвёз Гу Чуньлая на площадку, не уехал. Он поздоровался с Сяо Жофэем и режиссёром Фан, решив заглянуть на съёмки и посмотреть сцену с участием Гу Чуньлая. Бай Яньнань сидел один под большим деревом, завернувшись в плед, с сигаретой в зубах, окружённый ассистентами и охранниками, его взгляд спокойно следил за фокусом камеры.

По плану сегодня снимали сцену, где Чжоу Сяоча «выживает после смерти». Эта сцена была той самой, которую Бай Яньнань играл на пробах, и ключевой точкой, где сюжетная линия Чжоу Сяоча вплеталась в основную.

В первой половине истории, помимо заботы о семье и взыскания долгов, Чжоу Сяоча в основном занимался расследованием трупы, которая неожиданно появилась в городке Цинхэ. По замыслу Сяо Жофэя, Чжоу Сяоча впервые услышал об этом от Ду Цзянсюэ и почувствовал неладное. Он сам был актёром, у него было много связей и информации, но он никогда не

слышал об этой группе. Более того, до сих пор в группу принимали только женщин, что вызывало подозрения.

Чжоу Сяоча не мог не думать об этом, но, приближаясь к разгадке, он вдруг забеспокоился, что за этим может скрываться большой заговор, и его героизм может обернуться трагедией. Как раз в тот момент, когда он тренировался надевать женскую одежду и колебался, его подруга Лю Мэйцзе пришла к нему издалека, и после нежных объятий выразила свою поддержку. Это, казалось, придало ему смелости, и он решил продолжить, переодевшись женщиной, чтобы продолжить расследование.

На пробах Бай Яньнань играл сцену, где Чжоу Сяоча избивали. Он лежал на земле, звал на помощь, и в момент отчаяния увидел, что кто-то пришёл его спасти. Бай Яньнань считал, что сыграл хорошо, эмоции были на месте, и при просмотре записи всё выглядело идеально.

Но Сяо Жофэй всё равно не выбрал его.

Он хотел посмотреть, что же особенного в этом избранном, которого выбрали.

Съёмка этой сцены была долгой, от входа Чжоу Сяоча в закулисы до его побега, с множеством сложных переходов, с участием более десятка актёров, с драками, и по сложности превосходила предыдущие эмоциональные сцены.

Режиссёр Фан была любителем съёмок на натуре. Просто или красочно, она любила использовать визуальные трюки для достижения желаемого эффекта. Но в съёмках это требовало строгой точности, каждый шаг, каждый ракурс, будь то камера или актёры, должны были быть абсолютно точными, без малейшей ошибки.

Гу Чуньлай рано утром пришёл на площадку, надел платье, приклеил на лицо несколько пластырей, имитирующих синяки, и начал репетировать. Поскольку весь процесс избиения снимался в одном кадре, от яркого макияжа до потрёпанного вида и синяков, каждый ракурс должен был быть идеальным. Когда снимать общий план, когда крупный — всё нужно было проработать, чтобы добиться наилучшего результата.

По мнению Бай Яньнаня, Чжоу Сяоча в этой сцене должен был быть полон страха и ненависти. Он боялся других, две женщины, с которыми у него были любовные связи, преследовали его, видя его в беде, страх усиливался, но была и искра надежды. По его мнению, эта сцена должна была быть кульминацией, с большим эмоциональным накалом, чтобы захватить зрителя.

Но Гу Чуньлай вначале показывал мало эмоций, его взгляд даже казался пустым и растерянным, и Бай Яньнаню он казался деревянным, совершенно неподходящим. Но каждый раз, когда его ударяли, Гу Чуньлай сворачивался, опускал голову, и его тело начинало слегка дрожать.

Когда он снова поднимал голову, его глаза были словно залиты чернилами, смесь эмоций распространялась, неясная и непонятная, вызывая у Бай Яньнаня раздражение и подавленность, словно по его телу ползали гусеницы и пауки, создавая странное ощущение мрачности.

Как будто, если он встанет, он выплеснет яд, разъедающий всё вокруг.

Бай Яньнань держал сигарету, забыв затянуться. Пепел был слишком тяжёлым, упал на плед, вызвав несколько искр, оставив дыру. Он спокойно потушил сигарету, стряхнул плед, встал, затушил сигарету и подошёл к Сяо Жофэю, похлопав его по плечу:

— Жофэй, поговорим наедине.

Сяо Жофэй кивнул, что-то сказал Чжан Ичэну, и, увидев, как тот побежал к Гу Чуньлаю, указал на здание позади:

— Пойдём в мой офис.

Киностудия Байшуй была небольшой, от центрального павильона до любого здания можно было добраться за десять минут на велосипеде.

<http://bllate.org/book/15563/1415739>